

ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ

РУССКИЕ В МОНГОЛИИ

К ИСТОРИИ РУССКИХ В МОНГОЛИИ



Приближение границ России к владениям независимых монгольских ханов началось в XVII в., когда отряды землепроходцев продвинулись далеко на восток в Сибирь и, частности, в Прибайкалье. У монголов русские из Китая и о путях в эту страну; через земли монголов туда ездили; с монголами торговали, обменивались посольствами. Граница между Россией и Монголией была в то время условной, часто менялась, поэтому перемещение населения и другую сторону было практически свободным. Некоторые монгольские ханы и даже ламы переходили под власть русских, а известный землепроходец Иван Похабов предлагал вступить в русское подданство одному из наиболее могущих представителей монгольской знати самому Цецен-хану *1.

Однако постепенно в отношения между русскими и монголами начинает вмешиваться маньчжурский фактор. Тут будет небольшой экскурс в историю. В начале XVII в. разрозненные дотоле племена, объединившись, создали на территории Маньчжурии свое государство, которое начало проводить активную завоевательную политику. С 1644 г. под маньчжурской династии Цин оказался весь Китай. Что касается Монголии, то еще в XVI в. она распалась на три части: Монголия (нынешняя Внутренняя Монголия) была завоевана маньчжурами еще в 1636 г., Западная (Джунгария) только Северная (Халха), о которой в основном и пойдет речь в статье, была включена в состав Цинской империи в 1691 г. Ес. Внутренней Монголии и Джунгарии вошли непосредственно в состав империи, то в Халхе маньчжуры учредили нечуждое своего протектората, сохранив за монгольскими ханами их прежний статус, но заменив многие старые звания новыми (Е. т. д.). В зависимости от степени знатности каждому из них даровалось "в кормление" определенное количество жалованья от императорских властей. Территория Халхи была в административном отношении поделена на уезды ("знамена"). Население облагалось многочисленными поборами и повинностями. В 1762 г. в столице Халхи Урге был устроен пост маньчжурского наместника амбана, функцией которого был контроль за состоянием политических и торговых дел.

Обострение отношений Китая и России в Приамурье осложнило и контакты последней с монгольскими ханами, т. к. маньчжурские власти всячески препятствовали их развитию. В конце XVII в. Пекину удалось спровоцировать несколько нападений на русские остроги в Прибайкалье. После включения Халхи в состав Цинской империи в 1691 г. ситуация еще осложнилась. Маньчжурские власти боялись всего: восстания китайцев, возрождения былой военной мощи монголов, среди них влияния России. Поэтому их политика была направлена на предотвращение подобных неприятностей. В 1711 г. выслали из Урги всех российских купцов, закрыли доступ российским караванам в Пекин и издали указ, обязавший постоянный надзор за русско-монгольскими связями *2. Вплоть до 1917 г. маньчжурский фактор оказывал существенное влияние на взаимоотношения между русскими и монголами.

После захвата Халхи цинские власти стали настоятельно требовать демаркации границы с Россией, что и произошло в результате подписания Кяхтинского договора. На границе были сооружены своеобразные "маяки" в виде особых насыпей. Караулы с той и с другой стороны должны были пресекать любую попытку ее перехода без разрешения в пользу только людскими, но и скотом. Статья X Кяхтинского договора, по настоянию маньчжурской стороны, предусматривала исключительно жесткие меры наказания нарушителей границы: "Впредь, ежели кто из подданных обоих государств переступит за предел, казен да будет на том же месте, где поймается" *3. Маньчжуры требовали неукоснительного соблюдения статей договора, и педаантизм их не знал предела. На пограничной линии устанавливались, по образному местному выражению, "силки" (лс Е.). Это были два шеста или столба, вкопанных недалеко друг от друга, между ними натягивался шнур, концы которого опечатывались обоими караулами. И только через эти "силки" можно было переходить "...с караула одной стороны на другую, для чего требовалось каким-то образом уведомить другую сторону о необходимости открывать дорогу. А некоторые караулы находились довольно далеко от границы, то приходилось применять все возможные меры к их выявлению. Вероятно, для этого применялась светозвуковая сигнализация.

Отношения между караулами складывались весьма доверительные. Раз в год они устраивали праздники друг другу, т. е. чаще всего в долг. Перебежчиков из Монголии было очень много, и русское правительство смотрело на это сквозь пальцы. В отношении русских, то через внутренние районы Монголии проезжали послы, курьеры, члены Российской духовной миссии, которые на свой страх и риск торговали в Урге и других местах страны, путешествовали и буряты, ходившие на боковые территории. Однако русских поселений в Монголии в тот период еще не было.

Ситуация начала меняться после подписания Россией и Китаем Пекинского договора (1860 г.) и "Правил сухопутной торговли" (1862 г.), которые разрешили торговлю русских купцов в Монголии, создание консульства в Урге и т. д. По рекам Онону и Халхину через Кяхту и западной участок границы в Монголию потянулись купцы, казаки, мещане, крестьяне кто по делам, а кто по любопытству. К 1865 г. там побывало уже 3977 человек *5, и некоторые остались на постоянное жительство. Они и положили начало формированию русской колонии в Монголии.

Первыми в Ургу прибыли в 1861 г. члены российского консульства, состав которого был небольшим: консул, с переводчиком, фельдшер. Плохое знание страны и условий, в которых придется работать, привело к тому, что членом Консульства сопровождали 20 казаков под командованием конвойного казачьего офицера, вооруженных хорошими ружьями. Однако доброе расположение со стороны простых монголов, поняли, что защита оказалась не нужна, и казаки, превратившись в строителей, стали возводить консульский дом *6. При обсуждении кандидатуры консула, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев предложил некоего Карпова, кяхтинского пограничного комиссара, имевшего представление о Монголии и ее властями. Однако император Александр II распорядился иначе, и на эту должность был назначен начальник штаба Его Высочества капитан К. Н. Боборыкин. А вот секретарем и драгоманом (переводчиком Н. Е.), с по поручением "временно", по настоянию Н. Н. Муравьева назначили состоявшего при нем переводчиком с китайского и маньчжурского губернского секретаря Якова Парфеньевича Шишмарева.

Он готовился к деятельности светского члена Российской духовной миссии в Пекине, но Н. Н. Муравьев привлек его к посольству Айгунского (1858 г.) и Пекинского договоров. К. Н. Боборыкин в Урге долго болел, потом уехал в Пекин, а затем и совсем покинул страну. В связи с этим Я. П. Шишмарев был назначен управляющим консульством, затем и.о. консула, а вскоре консулом. В результате его "временное пребывание" растянулось на полвека. Вероятно, это единственный случай в мировой практике, когда один человек почти 50 лет состоял в должности консула в одной и той же стране. Он хорошо знал Монголию, понимал ее специфику, умел ладить с маньчжурскими чиновниками и монгольскими ханами.

Посылая К. Н. Боборыкина в Ургу, император сказал ему: "Надеюсь, что ты постарайся поставить место консула на должную ступень высоты и придать этому посту необходимое значение" *7. В инструкции министра иностранных дел Горчакова говорилось о том, что консульство должно внушать всем русским купцам в Урге "избегать всяких спорных дел и на первых порах не породить препятствий развитию сухопутной торговли в тамошнем крае" *8. Относительно же и

рекомендовалось сохранять "самое дружественное обращение, стараясь вселять в них любовь к русским" *9.

Начальный период деятельности консульства был довольно сложным. Несмотря на то, что российское правительство и на ознакомлении монгольского населения с условиями Пекинского договора, отменившего запрет на проживание и русских в Монголии, даже монгольские правители не смогли сразу этого осознать. Им трудно было себе представить, что изменится порядок, существовавший полтора столетия, поэтому они ждали четких указаний от ургинских властей, а те на инструкции из Пекина.

Кроме того, изменилось соотношение сил между двумя ургинскими правителями монгольским и маньчжурским. Монгольским считался тогда главным, а маньчжурский амбань занимал второе место. К моменту появления русских в Урге амбань донес на своего монгольского коллегу Бэше Дэлэк Дорджи в Пекин, обвинив его в сочувствии к России. Среди "доказательств этого преступления" было то, что в доме Бэше использовались русская утварь и другие бытовые предметы. Бэше был понижен в должности: маньчжур стал первым правителем, а монгол вторым. Поэтому русским пришлось решить вопросы с Сектунгой, которому Я. П. Шишмарев дает такую оценку: "Умный, деловой, но высокомерный интриган Сект противник и недоброжелатель" *10. Действительно, вся его деятельность была направлена на то, чтобы игнорировать консульство, а его сотрудников унижать в глазах монголов. По несколько раз в день он посылал в консульство много чиновников с разного рода проверками и придирками. Сначала его не устраивала высота флажштока у консульского дома, он заставил одного из монгольских секретарей написать в Пекин от имени хутухты (главы ламаистов Монголии) жалобу на русских, дали место под постройку домов слишком близко от ламского куреня и т. д. Сам Сектунга докладывал в Пекин, что деятельность консульства неизбежно приведет к усилению влияния русских в Монголии, а это "может испортить населен

Однако жители Монголии относились к русским доброжелательно и с любопытством. Около русского подворья ежедневно собиралась толпа из ургинских и приезжих монголов, приходили сюда и китайцы. Им приходилось преодолевать строгие полицейские меры, которые целыми днями расхаживали перед консульством. Некоторые жители даже отваживались на покупку русских товаров, за что им случалось получать удары плетью или палкой. Что же касается монгольских должностных лиц светских, так и духовных, то они избегали русских, боясь обвинений в излишней симпатии к ним. Один из лам, занимавший почетное положение в Урге, заплатил значительный денежный штраф лишь за то, что два-три раза посетил лавку купцов и позволил остановиться у себя приехавшим на богомолье бурятам *12.

Я. П. Шишмарев правильно понял и оценил поведение маньчжурских чиновников, а также и монгольских должностных лиц, к выводу о том, что "они смотрят со своей точки зрения, не удовлетворяющей европейца и идущей вразрез с нашими понятиями" *13. Шишмарев не написал слово "китаецентризм", но по сути имел в виду это явление. Европейские культурные нормы доминировали в российской дипломатии и зачастую переносились на отношения с маньчжурским Китаем, который совершенно иной системе измерений. Понимание особенностей Китая и было, вероятно, главной причиной того, что Шишмарев умел ладить с властями в Монголии. Несмотря на проверки, жалобы, доносы, он сохранял собственное достоинство и не оскорблял достоинство других.

Ситуация вокруг русских в Урге стала меняться еще и потому, что Бэше умер, и на его место был назначен Цеценхан Агва. Это был сын старого, родовитого монгола, одаренный природным умом. С первого дня своего пребывания в Урге продемонстрировал самостоятельность взглядов и суждений, действовал без оглядки на своего маньчжурского коллегу, вскоре к нему перешло первенство в управлении Ургой. С его появлением и отношение монгольских чиновников, ханского правительства к русскому консульству стало более доброжелательным. За 11 лет пребывания на должности ургинского правителя Агва Арташита много сделал для развития русско-монгольских отношений как внутри страны, так и на границе. Именно благодаря влиянию сотрудников консульства познакомились с большинством ханов Халхи. Для этого они использовали любую возможность, в том числе и народные праздники в Урге, когда туда съезжались все ханы.

Однако полностью преодолеть давление маньчжурских властей было невозможно. Они пытались противодействовать сближению между русскими и монголами, если не прямо, то косвенно. Через несколько лет после подписания Пекинского договора они инспирировали слух о том, что русские являются в Монголию целыми партиями под видом торгового вооруженными и не для торговли, а с какими-то другими целями, причем на границе тем временем якобы концентрируется войска. Затем пронесся слух, что "будто бы все политические преступники-поляки, содержащиеся в Нерчинских тюрьмах освобождены из-под ареста, ходят по Забайкалью и думают перебраться в Монголию" *14. Слухи распространялись с целью пользы ими, монголы стали останавливать мелкие русские караваны и требовать мзду за свободный проезд.

Деятельность русских купцов наталкивалась и на мощное противодействие китайских конкурентов. Китайские купцы появились в Монголии в конце XVII начале XVIII в., причем сразу же стали торговать в кредит. Приезжали они свободно до 1720 г., к которому издан указ о необходимости приобретения торгового свидетельства, в котором фиксировалось количество товара и число сопровождающих караван. Но к середине XIX в. положение изменилось. По мнению монгольского историка М. С. Доржиева маньчжурские чиновники и многие монгольские ханы стали компаньонами китайских фирм или попали к ним в долговую зависимость, поэтому они покровительствовали их деятельности в Монголии *15. Китайские купцы чувствовали себя свободно, уверено хозяйски; имели лавки, склады, помещения для жилья.

В Ургу первые русские купцы прибыли вместе с консульством в 1861 г. Их деятельность встретила сопротивление со стороны местных жителей, которые запретили местным жителям сдавать русским купцам в найм лавки и дворы, а тех, кто это делал, били бамбуковыми палками и штрафовали. Поэтому купцы стали селиться в одном подворье с консульством. Монголам запрещалось деловые покупки.

Поскольку торговля в Урге не шла, один из приехавших купцов собрался отправиться по улусам, но власти запретили. Он решил поехать в окрестности Урги, приготовил товары, нанял возчиков из монголов, но ему опять не разрешили. Купец просил разрешения ему и не требуется, т. к. есть статьи договора. Но на другой день отказались ехать возчики-монголы, воз задаток. За ними последовали и местные рабочие, помогавшие снаряжать караван. Купец оказался настойчивым, поэтому он купил волов, нанял русских работников консульства в проводники, для охраны взял двоих казаков из конной команды. В день отправления выяснилось, что собралось около 200 монголов, чтобы помешать отправлению каравана. 100 человек ожидали его в китайском пригороде Маймачене, мимо которого должен был проследовать караван. Решительность русского купца оказалась сильнее. Озадаченный маньчжурский правитель отменил свои приказания, не распорядившись, чтобы по пути следования каравана монголы не имели с купцом никаких дел и ничего у него не покупали. Купец сходил туда и обратно, не торгуя *16. Об этом эпизоде можно было бы и не говорить, но он имел серьезные последствия. Поступок русского купца произвел на монголов большое впечатление: они увидели, что маньчжурам можно не подчиняться, что их можно ослушаться. Я. П. Шишмарев слышал, как они рассуждали меж собой: "это, верно, не с нами иметь дело" *17.

Кроме самой Урги, русские оседали и в других районах Монголии. На ее границе с Минусинским краем еще до 1860 г. весной, когда монголы приезжали инспектировать границу, в течение десяти дней шумела ярмарка. Поэтому сразу после подписания Пекинского договора на территорию Западной Монголии двинулись русские торговцы. Здешнее население живо интересовалось скотоводством, край изобиловал пушиной, некоторые занимались хлебопашеством. Русских в

недружелюбно. Часто они сами давали повод, самовольно захватывая земли, дерзко обращаясь с местными жителями, обманывая в расчетах, покупая краденый скот и отказываясь вернуть его хозяину, даже если он доказывал свое право на за свой украденный скот они забирали такое же количество у первого встречного монгола. Местные жители отвечали граблями русские караваны. После того, как был ограблен караван купца Веселкова, консульство потребовало расследования возмещения убытков и наказания виновных. В результате довольно большая денежная сумма была взыскана со всего округа, по словам Я. П. Шишмарева, было мерой не совсем справедливой, но необходимой *18. Правда, выплата долгов рассрочена на три года. Грабежи и насилие по отношению к русским прекратились, но в целом обстановка в это время оставалась сложной и в последующие годы. Ни в одном другом районе Монголии к русским не относились так плохо на землях, граничащих с Минусинским краем. В 1878 г. местные жители еще раз открыто проявили враждебность к русским, у них скот, как незаконно приобретенный, проще говоря, краденый. Разбирательство длилось несколько лет и с трудом завершено. Для расследования серьезных случаев на границе встречались представители маньчжурских властей из Урла русских из Иркутска. В 80-е гг. XIX в. такие съезды стали ежегодными, т. к. они были выгодны маньчжурским чиновникам безбожно обиравшим население края за свое участие в решении спорных вопросов.

Не было особого взаимопонимания и на границе Кобдоского и Бийского округов, где тоже торговали еще до Пекинского договора, причем давали товары друг другу в долг. В первые годы после подписания трактата такая практика сохранялась. Однако не возвращали долги, поэтому возникло много спорных дел, разбираться с которыми пришлось в течение двух лет должникам-монголам многие разъехались, некоторые умерли, часть обеднела или отдала товары опять-таки в долг с процентами, которые теперь не признавали их и отказывались платить. Ко всему прочему, многие монголы называли на них не свои имена, а клички и найти их было невозможно. Русские торговцы должники монголов тоже за это время кто разорился, умер, поэтому и разбирались так долго *19.

С резко отрицательным отношением к русским в некоторых районах Западной Монголии столкнулся и иркутский этнограф Дуброва: "...приняв нас за торговцев, монголы изливали бранью свою злобу на этих благодетелей и, только натешившись отъехали от нашей палатки" *20.

Конечно, и в этих районах не все было так уж плохо. Тот же Я. П. Дуброва рассказывает, что во время очередной стоянки что они русские, монголы встретили их очень гостеприимно, одарили продуктами, питьем и даже дровами путешественники М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, услышали много добрых слов о русском купце Н. И. Киселеве как о другом монголе. Все с грустью говорили, что им жалко расставаться с Николаем (в Монголии всех русских называли так имени Н. Е.), навсегда покидавшем эту страну. Н. И. Киселев хорошо знал Монголию, ее народ, сочувственно относился к ней *21.

Действовали русские на территории Западной Монголии особняком, отдельно друг от друга. Каждый купец имел свой склад русских товаров и получения монгольских скота, шерсти и т. д. В этом же районе строился дом с хозяйственными постройками для содержания скота; некоторые разводили огороды. К середине 80-х гг. XIX в. подобных поселений, называли заведениями, в верховьях реки Енисей и по его притокам насчитывалось уже девять *22.

К 1869 г. русские торговцы из района Тунки (Иркутская губерния), проникли на земли у озера Косогол (сейчас оно называется Хубсугул Н. Е.). Здешние монголы первое время чуждались их, опасаясь ургинских властей. Поэтому потребовались определенные усилия, прежде чем население края убедилось в том, что ургинские правители признают право русских торговать на этой территории. В Косоголе водилось несметное количество рыбы, т. к. ее никто не ловил. Когда же русские занялись рыболовством, монголы потребовали с них арендную плату. Попыткам строить здесь дома долго препятствовали ламы. Тогда русские стали ставить монгольские юрты и обнести их деревянными заборами. Позднее начали строить и дома. На восточном же участке границы сближение шло довольно быстро. Нерчинские и приаргунские казаки говорили на монгольский язык, знали обычаи соседей. Но дальше общения на границе дело не шло. Восточная Монголия оставалась закрытой для русских. В числе нескольких скромных экспедиций, предпринятых консульством для ознакомления с местностью была одна и к озеру Далай, что находится в непосредственной близости от Забайкалья. В ходе поездки район озера изучали как возможный рынок сбыта русских товаров; были переданы письма местным ваянам и проведены переговоры с ними об условиях препятствий для русской торговли, ибо это было выгодно самим монголам. И ваны, и простые монголы живо откликнулись на предложение русских, ваны послали ответные письма, однако этим все и закончилось *23. Как известно, основным путем вывоза из Китая был чай, караваны с которым почти круглый год тянулись по Монголии. Перевозкой чая занимались и простые монголы, это было для них дополнительным заработком. Но их часто обирали русские купцы, и обиженные монголы обращались в консульство за поддержкой. К 1885 г. там скопилось не менее 70 таких исков, и все они были решены в пользу монголов. Исключением тех случаев, когда обидчиков не удавалось обнаружить или они оказывались разоренными. Несколько дел закончили простыми переговорами, без санкций *24. Недовольство монголов вызывала и почтовая повинность. Кроме того они бесплатно перевозили почту и курьеров, последних еще и кормили бесплатно. Такой порядок был установлен маньчжурскими властями с ним молчаливо согласились. Н. Н. Муравьев в свое время положил конец этой порочной практике, запретив платить монголам, но в 70-е гг. XIX в. этот вопрос встал снова. Теперь ездили не только курьеры, но и чиновники с семьями целые экспедиции. Перевозка требовала большого количества лошадей, верблюдов, проводников, продуктов питания, и должны были обеспечить монголы. Русское консульство, пограничное начальство постоянно ставили этот вопрос перед правительством, опасаясь ухудшения отношений с монголами, но ответа так и не получили.

Появление русских в Монголии остро поставило проблему языкового барьера. Нельзя сказать, что монгольского языка никто не знал: разговорный язык понимали нерчинские и приаргунские казаки; в Урге, Кяхте, Троицкосавске, в Западной Монголии тоже были свои знатоки. В Бийске, например, куда на зиму съезжалось большое количество местных купцов, разговаривали порой велись на монгольском языке. Письменной же речью владели немногие. Монголы, общаясь с русскими осваивали разговорный язык, но здесь случались и курьезы некоторые купцы из озерной области учили их русскому мату. Один путешественник был шокирован, когда встреченный им монгол, плохо произнес слово "здравствуйте", далее разругался отборными ругательствами *25.

Накопленных познаний в языке было недостаточно для успешного общения при все расширяющихся контактах между русскими и монголами. Острую необходимость в переводчиках ощутил еще первый консул К. Н. Боборыкин. Ежедневно надо было решать текущие вопросы, общаться с чиновниками, отвечать на жалобы или выслушивать просьбы. Я. П. Шишмареву, знавшему маньчжурский, и монгольский языки, все же было трудно нести эту нагрузку: кроме функций переводчика, он исполнял обязанности секретаря консульства. Поэтому в докладной записке в Азиатский департамент МИД России консул настоятельно просил прислать переводчика. Его просьба была удовлетворена, а в 1864 г. в Ургу прибыли первые четыре ученика, положившие начало известной ургинской школе толмачей, которая просуществовала 56 лет и подготовила более 100 специалистов. Для преподавания монгольского и маньчжурского языков приглашались местные чиновники, учителя китайского языка приезжал из Пекина. Летом в течение трех месяцев ученики жили среди монголов для практического изучения языка *26. Постоянное пребывание русских в Монголии заставляло обращать внимание на все стороны жизни ее народа. Боборыкина, ранее никогда не бывавшего в Монголии, жуткое впечатление произвело санитарно-гигиеническое состояние и связанные с этим тяжелейшие болезни: тиф, оспа, сифилис и др. Он резко отрицательно характеризовал труд врачей-врачевателей: "Что бы ни говорили о медицине Тибета и искустве медиков-лам, но медицина эта ничтожна, а ламы не"

обманщики" *27. Единственным средством спасения от оспы, например, была изоляция больного и его семьи. Их отодвигали в степи, откочевывая подальше. А хутхуту, самого почитаемого человека, религиозного главу ламаи распространением оспы прятали от людей и никому не показывали. Поэтому с появлением в составе русского поселения фельдшера Осипова, к нему потянулись не только больные монголы, но и ламы-медики, желавшие перенять у него опыт. Так, один весьма ученый и почитаемый лама, глава большого монастыря, выписал через Осипова все необходимые кровопускания, распространенного тогда в России метода лечения многих болезней. Некоторые ханы направляли в конда для обучения русской медицине своих родственников, лам и т. д. Осипов, конечно, не справлялся, поэтому К. Н. Босов поставил вопрос о враче. Однажды через Ургу проезжал из Пекина некий Корниевский, служивший медиком при ро духовной миссии. Как только монголы узнали об этом, за помощью к нему выстроилась целая очередь. Монголы не русских медиков и лечились у них с большой охотой.

Именно Осипов первым начал проводить здесь вакцинацию против оспы. Он учил монголов готовить детрит (так называемую вакцину Н. Е.) Позже прививки стали делать сами русские поселенцы в Монголии. Об одном из них сообщал в 1892 г. Н. Босов: "...с торговым делом соединил культурную миссию прививал оспу всем желающим. Монголы везде встречали его как человека" *28.

Однажды, когда в Кобдоском округе свирепствовала оспа, один из местных лам, слышавший что-то о прививках, предложил чудовищный способ лечения: он снимал гной с тела больного и прививал его здоровым. Д. Н. Ермолин, доверенный купца Ассанова, привез из России оспенный детрит и предложил желающим испытать его прививку, предупредив, что лечившиеся у ламы умрут, а своим лечением он гарантирует выздоровление. Вскоре так и случилось. Молва об этом быстро разошлась по округе, и к Ермолину потянулись тысячи монголов. Целыми днями он делал прививки, принимая по нескольку человек в день. Все пациенты приносили ему подарки, в том числе и денежные, но самое главное по округе все дальше шла слава о добром русском спасителе. Вакцинацией занимались и другие купцы *29, причем делали это инициативе, просто жалея монголов, которые были совершенно беспомощны перед тяжелейшими болезнями. Правительство долго игнорировало эту проблему, хотя еще К. Н. Босов просил прислать в консульство врача: "...это истинно доброе и христианское дело с нашей стороны относительно этого бедного народа". Он приводил и политические соображения: "Медик может скорее всех нас служащих приобрести огромное влияние на этот народ и по своему положению в состоянии привязать их к себе так, как ни мы, ни купцы никогда этого не в состоянии достигнуть" *30. Эта и многочисленные послы просьбы оставались без ответа. И только в начале XX в. ситуация стала меняться. Участие России в подавлении инакомыслия в Китае, затем русско-японская война заставили направить в Ургу военные отряды, а с ними прибывали и доктора, которые лечили русских и монголов, маньчжурских чиновников и китайских солдат. Доктор Серезников был даже награжден крестом ордена Двойного Дракона *31. Русская колония в Монголии росла. В 1914 г. только в Урянхайском крае насчитывалось около 1500 русских и 150 заимок. Кроме того, русские жили в Ван-хуре, Цзаинь-Шаби, у озера Косогол и других местах, в основном на западе. Самая многочисленная колония в Урге насчитывала, по разным данным, от 1500 до 3000 человек *32. Сколько всего жило русских в Монголии сказать очень трудно, т. к. ситуация постоянно менялась: одни покидали страну, другие приезжали, третьи жили только летом. Появились и новые сферы соприкосновения двух народов. В связи с развитием предпринимательства монголов стали активно использовать в качестве наемных работников. Эти вопросы хорошо изучены Даревской *33. О росте колонии свидетельствовало и создание новых консульств в Кобдо и Улясутае. Ургинский же консул стал генеральным. Консулам помогали торговые старшины, должность которых вводилась с целью поддержания порядка среди русских, временно или постоянно проживающих в Монголии. Они избирались во всех местах, где находилось хотя бы небольшое русское подданное. Как правило, это был самый опытный и знающий человек. Торговый старшина утверждался в консульстве, получал особое свидетельство и печать. Список всех торговых старшин передавали монгольским властям *

В большинстве случаев отношения между русскими и монголами носили доверительный характер. Если русские возвращались в Россию, то оставляли знакомых монголов следить за скотом и постройками, отдавали товары в долг, часто просили у них помощи и защиты. Есть свидетельства тому, что даже ханы обращались к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбой принять их на своей территории в случае прихода шаек разбойников "для личной безопасности и имущества" *35.

Тесное общение, строительство церкви в Урге, деятельность православных миссионеров приводили к тому, что и монголы принимали православие. В письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова князем пограничным комиссаром Е. Пфаффиусом сообщал, что "в Урге и Маймачэне есть несколько китайских подданных (монголов принявших христианство". Их было бы намного больше, если бы договоры "между нашим и китайским правительствами разрешали свободный переход в подданство всех желающих" *36, а так монголы опасались преследований. Опасения высказывали и священнослужители. Енисейский епископ сообщал генерал-губернатору, что многие монголы просят креститься. Семейством, но священники не знают, есть ли об этом договоренности между правительствами России и Китая. Из какому генерал-губернатора ему отвечали, что в договорах с Китаем нет препятствий к этому, что китайское правительство совершенно индифферентно относится к делам религии, "а католики свободно проповедуют слово божье" *37. Этим генерал-губернатор разрешил сомнения православных священнослужителей, по-своему благословив их на миссионерскую деятельность массового характера это явление не приняло. Трудно сказать, что заставляло монголов креститься. Одни, видимо, искали защиту, поддержку, особенно в приграничных районах, другие начинали искренне верить в другого бога.

Отмечались и браки между русскими и монголами. Дед Я. П. Шишмарева монгол, был женат на русской казачке. Брали и русские женщины. Развивался межкультурный обмен. Русские учили монголов сеять хлеб, косить сено, носить валенки. Монголы научили русских пить особый чай, приготавливаемый по следующему рецепту: в котел, всегда стоящий на кочевников, всыпают крошенный зеленый кирпичный чай; когда он закипит, вливают молоко, кладут гуджир (соду) и размешав, разливают по чашкам. В Забайкалье такой чай называли "сливанным" и редко, но употребляли еще в 50-е гг.)

В монгольском характере русские подмечали любопытство и беспечность, гостеприимство, честность, кротость и хитрость. На поведении монголов сильно сказывалось маньчжуро-китайское влияние. Я. П. Дуброва, например, считал, что вороватость монгола заставляла чрезвычайно тяжелые условия жизни, созданные маньчжурскими властями. По воспоминаниям П. Шишмарева, вялые и молчаливые при маньчжурах, монголы общительны и разговорчивы без них. Нерчинские купцы Бутины отмечали, что с приближением к Великой китайской стене "монгольский народ делается все более испорченным под влиянием китайцев, которые его постоянно обманывают и надувают" *38. И так, несмотря на длительное соседство, русские оседали в Монголии только во второй половине XIX в. Решив проблемы границ и торговли в серии договоров с Пекином, правительство долгое время не уделяло серьезного внимания Монголии, поэтому проникновение туда русских и их деятельность носили стихийный характер, были результатом частной инициативы купцов и предпринимателей. Основная причина русского интереса к Монголии — обеспечение их интересов, а также по наблюдению и контролю за ними легла на плечи консульства, созданного для поддержания престижа Российской империи. Только в начале XX в. Россия начала заниматься Монголией, вступив в экономические отношения с ней не только с Китаем, но и с Японией. Россия постепенно начала проявлять не только политический, но и экономический интерес к этой стране, что способствовало росту численности русских и расширению видов их деятельности. Не менее, их было здесь куда меньше чем китайцев. Взаимоотношения русских с монголами очень часто зависели от действий маньчжурских чиновников, китайских купцов или от тех и других, действовавших сообща. Поэтому очень сложно определить, были ли эти контакты в "чистом виде". Кто-то из монголов был тесно привязан к маньчжурскому Китаю, кто-то явно и открыто тянулся к русским, к России. В отношении между русскими, жившими в Монголии, и населением этой страны присутствовали

все краски человеческого общения: обман и хитрость, враждебность и злобность, доброжелательность и радушие, состр взаимовыручка и т. д. Но преобладали, судя по многочисленным фактам, которые сохранила для нас история, доверител дружелюбие.

К истории русских в М
Единархова Нина Евгеньевна, кандидат историчес
доцент кафедры новой, новейшей истории и международных от
в Иркутском государственном университе
Опубликовано в вестнике "Москва - Ула
в 2008 году (начиная с н

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Хабаровск, 1997. С. 174.
2. Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 32.
3. Сборник договоров России с Китаем. Иркутск, 1881. С. 9.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24, оп. 11/3, д. 121. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства (18611886 гг.). Л. 4.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 292. Консульство в Урге, 1865. Ед. хр. 2, л. 14.
6. ГАИО. Ф. 24, оп. 11/2. Ед. хр. 22. Докладная записка Ургинского консула. Л. 5.
7. ГАИО. Отчет о 25-летней деятельности ..., л. 7.
8. ГАИО. Ф. 24, оп. 11/2, д. 20/9. Об учреждении в Урге Российского императорского консульства. Л. 10.
9. Там же. Л. 11.
10. ГАИО. Отчет о 25-летней деятельности ..., л. 8.
11. Там же. Л. 15.
12. Там же.
13. Там же.
14. АВПРИ. Ф. МИДа. Консульство в Урге, 1866. Д. 3. Л. 3.
15. Сандорж М. Проникновение китайского торгово-ростовщического капитала в Халха-Монголию и расширение его деятел (XVIII в.). Дисс. канд. ист. наук. Л., 1961. С. 62.
16. ГАИО. Отчет о 25-летней деятельности ..., л. 13.
17. Там же.
18. Там же. Л. 30.
19. Там же. Л. 34.
20. Дуброва Я. П. Поездка в Монголию // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1886. Т. 16, 13. С. 37.
21. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 60.
22. ГАИО. Отчет о 25-летней деятельности ..., л. 31.
23. Там же. Л. 21.
24. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491, ед. хр. 576, л. 3.
25. Единархова Н. Е. Русские купцы в Монголии // Восток. М., 1996. 1. С. 86.
26. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX начале XX в. Омск, 1994. С. 138.
27. ГАИО. Докладная записка Ургинского консула. Л. 7.
28. Даревская Е. М. Указ. соч. С. 117.
29. Единархова Н. Е. Русские купцы... С. 79.
30. ГАИО. Докладная записка Ургинского консула. Л. 8.
31. Даревская Е. М. Указ. соч. С. 120121.
32. Кузьмин Ю. В., Дэмбэрэл К. Русская колония в Урге (18611920 гг.) в российской историографии // Диаспоры в истории времени и пространстве Иркутск, 1994. С. 118.
33. Даревская Е. М. Указ. соч. С. 1848.
34. АВПРИ. Ф. 292. Консульство в Урге. Оп. 732, ед. хр. 23, л. 2.
35. ГАИО. Ф. 24, оп. 11/1, д. 161, л. 1.
36. Там же.
37. Там же, оп. 11/2, д. 82, л. 1317, 2527.
38. Братья Бутины. Описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньцзинь // Известия СОРГО. Иркутск, 1871. Т. 2, 12.

СМОТРИ ТАКЖЕ

- [Русский след в Монголии. Александр НАУМОВ. Кандидат исторических наук.](#)